

Ши Вэй смотрел на человека перед собой. Красивая, утончённая, нежная, мягкая — она обладала чертами лица тридцатилетней женщины, но производила особенное впечатление, словно ей было не тридцать, а скорее она представлялась доброй и заботливой матерью.

Но за этой внешностью красивой и нежной матери скрывалось чёрное сердце, способное внушать страх.

Бай Ифан была утончённой и красивой эгоисткой. Всё, что она делала, было ради себя, ради своего будущего, ради богатства и роскоши. Однако никто не знал о её тёмной стороне, ведь её внешний образ был безупречен — нежная, заботливая, с красивым лицом, лишённым какой-либо агрессии, и слегка печальными глазами, которые даже друзья-женщины хотели защитить и оберегать.

Она казалась доброй и наивной, идеальным другом.

Но, возможно, слишком долгая жизнь в комфорте слегка расслабила её актёрские навыки. В тот день, когда Лу Юаньчжи заболел и попал в больницу, она допустила оплошность.

Бай Ифан вспомнила тот день, свою растерянность и презрительные взгляды, которые обрушились на неё. Гнев и боль в её сердце едва не свели её с ума.

Но она знала, что не может позволить себе срываться. Она не только должна была сдержаться, но и искренне извиниться перед всеми, показать раскаяние, страдание и удвоить усилия, чтобы хорошо относиться к Лу Юаньчжи.

Только так она могла сохранить своё положение.

Бай Ифан давно знала, что Лу Юаньчжи не будет ночевать в общежитии в субботу, поэтому она тщательно подготовила сценарий, чтобы восстановить свой образ в глазах его соседей. Что ещё важнее, она хотела глубоко запечатлеть в их сознании негативное мнение о Лу Юаньчжи.

— О, так вы тётя Лу Юаньчжи! — Хуан Дасянь, самый бесшабашный из пятерых, широко улыбнулся и пригласил Бай Ифан сесть. — Тётя, садитесь, ваша обувь такая высокая, стоять, наверное, больно!

Ши Вэй заметил, как мышцы на лице Бай Ифан слегка дрогнули, но её многолетний опыт управления эмоциями сработал идеально. Она использовала это движение, чтобы придать своему лицу слегка грустное выражение.

— Нет, я не сяду, вы все такие хорошие ребята. — Голос Бай Ифан был мягким и приятным, с оттенком зрелости, который вызывал желание приблизиться.

Она слегка нахмурила брови, выражая лёгкую тревогу:

— Сегодня я пришла, чтобы пригласить вас на обед.

— Тётя Бай, не стоит. — Ши Вэй улыбнулся, выражая дружелюбие, но его слова заставили Бай Ифан чуть ли не пнуть его ногой. — Я знаю, вы хотите извиниться перед Лу Юаньчжи, но не можете сказать это прямо, и хотите, чтобы мы помогли, верно? Не волнуйтесь, мы обязательно поможем вам его уговорить. Вы ведь не специально не давали ему еду и одежду, это просто случайная оплошность. Он уже взрослый, он поймёт!

Улыбка Бай Ифан застыла, и она, притворяясь смущённой, опустила голову, скрывая злость:

— Да, это моя вина, я...

Она хотела перевести вину на Лу Юаньчжи, но Ши Вэй не дал ей шанса, перебив её мягкий голос.

— Тётя, я вам скажу. Неважно, когда, но нельзя забывать учиться. Великий председатель говорил, что учиться нужно всю жизнь, и мы должны следовать его словам. Если вы не умеете быть мачехой, это не страшно, но можно научиться. В Яньцзине много хороших мачех, вы можете поучиться у них, завести несколько тетрадей и постепенно станете хорошей мачехой.

Слова Ши Вэя звучали как прямолинейные высказывания деревенского парня, но они чётко определили Бай Ифан как злую мачеху, издевающуюся над пасынком. Однако он говорил это с искренним намерением помочь, и никто не мог сказать, что он не прав.

— Я... — Бай Ифан хотела возразить, но её образ слабой женщины стал помехой. Ши Вэй говорил без остановки, не давая ей шанса вставить слово, и она не могла его перебить, иначе её образ разрушился бы.

Бай Ифан была мастером манипуляций, способной заставить Лу Чжэньнина подчиняться ей и обманывать людей. Но перед Ши Вэем, который прошёл через сложные испытания в бизнесе и даже анализировал сюжеты телесериалов, её методы казались слишком примитивными.

Её главным приёмом было «признание вины». Независимо от того, была ли это её вина, она всегда извращала ситуацию, перекладывая ответственность на других, и при этом увеличивала свою жалкость, вызывая у людей сочувствие.

И она? После искажения фактов она спокойно оставалась в тени, наслаждаясь сочувствием и любовью окружающих.

Всё хорошее было её, а всё плохое — других. Разве это не слишком просто?

Ши Вэй смотрел на неё с холодом в глазах, но на лице сохранял добродушие и наивность.

— Тётя, не бойтесь ошибаться. Если вы признаёте свои ошибки и постараетесь исправиться, вас простят. Лу Юаньчжи хороший человек, добрый и отзывчивый. Если вы искренне извинитесь и компенсируете всё, что сделали плохо, он постепенно изменит своё отношение к вам. Если вы будете искренни, он простит вас.

А если Лу Юаньчжи не простит её? Это тоже просто — значит, вы не искренни, вы только делаете вид, и вы всё та же злая мачеха.

Бай Ифан дрожала от злости, но не могла ругаться. Во-первых, она должна была поддерживать образ нежной и добродетельной женщины, а во-вторых, «её вина» была признана ею самой.

Обычно такой приём срабатывал безотказно, но на этот раз она столкнулась с Ши Вэем, который перехватил инициативу и полностью её подавил.

Бай Ифан запомнила лицо Ши Вэя, злясь на него. В прошлый раз этот наглец испортил её планы и заставил её опозориться.

Сегодня она пришла с намерением преподать Ши Вэю урок, но её привычный образ стал главной причиной её поражения.

Бай Ифан мельком посмотрела на него, изображая обиду и несправедливость, но при этом сохраняя стойкость.

Она не была из тех, кто будет настаивать, и, увидев, что ситуация ухудшается, поспешила уйти:

— Я знаю, я постараюсь стать хорошей мамой и заставлю Юаньчжи называть меня мамой. — Она улыбнулась, и в этот момент слеза скатилась по её щеке, делая её образ ещё более мягким и светящимся.

Бай Ифан показывала слабость, но Ши Вэй не собирался отпускать её. Он помнил, что на бумаге, за которую он заплатил большие деньги, были описаны все её поступки.

Лу Юаньчжи не был убит Бай Ифан, но она не сделала этого своими руками.

У Лу Юаньчжи были деньги. Откуда они взялись? От его деда, который оставил ему всё своё состояние за границей — виллы, поместья, антиквариат, золото и множество акций.

Бай Ифан не видела всего этого, но знала, что у Лу Юаньчжи нет недостатка в деньгах. Он мог привезти из-за границы валюту, которой хватило бы на всю жизнь обычному человеку. Её зависть была ограниченной, ведь она хотела вытянуть из него немного валюты, долларов или фунтов.

Но на следующий год умер один крупный бизнесмен, которого когда-то спонсировал дед Лу Юаньчжи. У бизнесмена не было близких родственников, сын был неблагодарным, а любовники хотели только его денег и мечтали о его смерти. Поэтому он решил оставить всё своё состояние своему благодетелю.

К сожалению, когда он нашёл благодетеля, тот уже умер, оставив только внука Лу Юаньчжи.

Бизнесмен быстро изменил завещание, оставив всё своё состояние единственному внуку своего благодетеля, Лу Юаньчжи.

Состояние бизнесмена было немаленьким, и после оформления всех документов Лу Юаньчжи получил бы около 10 000 000 долларов.

Это была огромная сумма даже для США, не говоря уже о Китае 1980-х годов.

<http://bllate.org/book/16388/1484041>